

# ДРЕВНИЙ РОСТОВ И УСПЕНСКИЙ СОБОР В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 1992 г.

(Предварительное сообщение)

*А. Е. Леонтьев*

1992 г. дал возможность после долгого перерыва вернуться к теме исторической топографии Ростова. Благодаря наблюдениям за трассами новых городских коммуникаций и строительными площадками уточнена северная граница города в XIII—XIV вв., простиравшегося, как оказалось, далее церкви Леонтия на Заровье. У церкви Вознесения (Исидора) близ валов отмечены слабые следы заселения в XI в., но здесь культурный слой был снят при строительстве крепости 1634 г.

При прокладке дренажа Успенского собора в центре города в пределах валов зафиксирована наибольшая мощность отложений — до 5 м, содержащих полную свиту напластований XI—XX вв. Не исключены и горизонты более раннего времени, но нижняя часть культурного слоя оказалась не всегда доступной для исследования. Открыты остатки деревянных мостовых XVI—XVII вв., одновременные деревянные строения, колодцы, как поздние XVII—XVIII вв., опущенные срубом на глубину до 4 м, так и первые в городе XI в., вертикально поставленные осиновые колоды-долбленки с обкладкой из бересты и бочажной клепки. В ряде случаев удалось зафиксировать горизонт городских пожаров 1160 и 1211 гг., а также слой, соответствующий по времени строительству собора 1213—1231 гг. Неожиданностью оказалось отсутствие следов городских укреплений, предшествующих крепости 1634 г., которая, видимо, действительно поставлена на месте прежних валов. Около северо-западной башни кремля на территории площади Успенского собора обнаружен засыпанный пруд (?) с дном, выложенным слоями бересты, существовавший до строительства Ионы Сысоевича.

Открытием сезона стали найденные фрагменты рухнувших стены и апсид храма XIII в., выявленные при дренажных работах около Успенского собора. Сохранилась упорядоченная кладка внешнего панциря и забутовки трех участков северной стены и всех трех апсид в их верхней части приблизительно на 14—25 рядов белого камня. Часть кладки оказалась разобранной еще в древности. Отчетливо вычленяемый

общий горизонт руин указывает на одновременное обрушение здания. Стены падали монолитом, «в рост», камни глубоко уходили в землю, отчего кладка оказалась лежащей наклонно, а верхние ее ряды — ниже остальных. По предварительным данным разрушение белокаменного собора произошло в конце XV — нач. XVI вв. и по времени немногим предшествовало возведению ныне существующего здания. Характер разрушения не исключает возможность сознательной ломки стен при намечавшемся новом строительстве. Для датировки памятника существенно то обстоятельство, что на некоторых камнях сохранились застывшие капли свинца — следы расплавившейся в пожаре 1408 г. кровли.

Наружная кладка белокаменного собора сложена из «постелистых», по определению Н. Н. Воронина, блоков высотой 24, 28, 30 см при наиболее часто встречающейся длине 24, 40, 48 см. Ширина камней не столь выдержана и колеблется от 30 до 40 см. Лицевая поверхность блоков при окончательной отделке тесана мелким желобчатым инструментом наискось в одном направлении. Обработка боковых граней не столь тщательна, а тыльная часть камней, до половины входивших во внутреннюю забутовку стены, грубо оббиты, сужаясь со всех сторон и образуя выступ наподобие «хвоста». Камни апсид с изогнутой лицевой поверхностью имели суженные к тыльной части боковые стенки, что позволяло придавать блоку нужное положение при выкладывании апсидного полукружия. Швы кладки как правило ровные, отчетливые, не превышающие по толщине 1 см (обычно тоньше). Известковый раствор светло-серого или белого цвета, с незначительным содержанием песка и редкими включениями угля.

В забутовке стен использованы куски туфа, булыжники, реже гравий. В одном случае туда же попал обломок консоли. Известковый раствор, использованный в забутовке, не такой плотный, с ощутимой примесью песка. Положение рухнувших стен подтверждает заключение Н. Н. Воронина о монументальности ростовских храмов XII—XIII вв. Участки упавшей кладки отмечены по всей длине северной и восточной стен ныне стоящего собора.

В раскопках были вскрыты участки с декоративными элементами средней части северной стены (аркатурно-колончатый пояс, поребрик, откосы), верха северной апсиды (колонки, арочки), центральной апсиды (арочки, поребрик, карниз), кладка южной апсиды до уровня колонок. Оформление стены и апсид выдержано в едином своеобразном стиле, от-

личавшим Успенский собор от других Владимиро-Суздальских храмов XII—XIII вв. К особенностям декора можно отнести полное отсутствие резьбы, лаконичность форм деталей: консолей, баз и капителей колонок. Необычна форма самих колонок с расширенной средней частью. Арки фриза стены высокие, двойные, вытесаны в одном блоке (0,42×0,42 м), арочки апсид трехлопастные.

Колончатый фриз собора отличала дробность членения при небольших размерах составляющих. Высота фуста колонок 0,55 м при максимальной ширине 0,15 м, высота консолей с базой колонок и капителей 0,26—0,28 м. «Шаг» колончатого пояса равен 0,45 м. Чуть меньшие параметры имел аркатурно-колончатый пояс апсид. Тонкими были апсидные полуколонки — 0,14 м. Для сравнения: высота колонок владимирского Успенского собора около 1 м при расстоянии между ними 0,8 м. Соответственно различаются размеры других деталей — полуколонки гораздо массивней, поперечник 0,38 м. Более крупное членение имеют и фризы других храмов Владимиро-Суздальской земли XII—XIII вв. (Покров на Нерли, Дмитриевский собор, Георгиевский собор в Юрьеве).

Внешнее убранство ростовского собора явно сближает его с постройками времени Андрея Боголюбского. Среди сооружений конца XII—XIII вв. с богатой каменной резьбой храм выглядел архаично. Это обстоятельство позволяет предположить, что собор 1213—1231 гг. в значительной степени повторял своего предшественника 1162 г. Речь не идет о конструкции перекрытий и архитектуре верхов собора, но преемственность в плане (доказано Н. Н. Ворониным) и в оформлении основного объема стен кажется очевидной. В то же время обращение на основании имеющихся данных к возможному облику собора 1162 г. показывает, что манера мастеров, возводивших ростовский храм, отлична от манеры строителей владимирского Успенского собора 1160 г. (к вопросу об артелях каменщиков Андрея Боголюбского).

Интересные данные были получены при закладке гидрологического шурфа у северо-западного угла собора. Выяснилось, что глубина залегания фундамента нынешнего собора достигает 5,2 м, основанием он опирается на материковую глину и сооружен в опалубке из двух вертикальных рядов плотно поставленных деревянных свай. Перед устройством опалубки по периметру здания была вырыта глубокая траншея, доходившая до горизонта строительства XIII в., которая

уничтожила отложения XIV—XVI вв., в том числе и примыкавшие к стенам остатки белокаменного собора. Нетронутые напластования сохранились, отступя 1,5 м от стены, что позволило выявить горизонт пожара первой деревянной церкви Успения, залегающий на глубине 2,6 м от современной поверхности. Храм действительно был построен из дуба: среди углей была найдена «курица» кровли, несколько обломков обгоревших дубовых досок, кованые гвозди. При строительстве белокаменного собора в 1161 г. пожарище было перекрыто слоем земли мощностью до 1,2 м.

С южной стороны собора немногим ниже цоколя стены был обнаружен неглубокий подбой, в котором помещалось захоронение мужчины. Сопутствующих предметов не было, удалось обнаружить лишь несколько нитей металлической канители. Погребен, по-видимому, ростовский архиепископ Иона I, скончавшийся в 1578 (?) г. и захороненный под стеной собора «против гроба св. Леонтия».

Внутри собора археологические наблюдения велись в связи с реконструкцией преграды, разделяющей алтарь и придел Леонтия. Шурфы в алтаре и аркасолии Игнатия позволили уточнить стратиграфию архитектурных горизонтов собора. Выяснилось, что уровень известковой заливки, которую Н. Н. Воронин связывал с полом 1162 г., на самом деле принадлежит собору 1231 г. Первоначальный пол лежит на 0,9 м ниже под слоем плотного известкового щебня. Отсюда следует, что древние кладки южной апсиды, относимые к XII в., скорее всего принадлежат храму XIII столетия, в том числе и белокаменная часть аркасолия Леонтия. Новые данные ставят новые вопросы, решение которых требует специальных археологических исследований.